

Глава 10. Ответ

— Для чего это, говоришь? — молодой полицейский явно терял самообладание; в его голосе гнев мешался со смущением.

— Как это для чего? Коктейли смешивать! — На лице Ань Но проступило нескрываемое раздражение, будто объяснять элементарные вещи этому деревенщине в погонах было делом хлопотным и почти унижительным. Он перенес вес с одной ноги на другую, слегка качнулся и посмотрел на офицера с неприкрытой насмешкой.

— Господин полицейский, позвольте восполнить пробелы в ваших знаниях, — протянул он лениво и вкрадчиво. — Слыхали про такой напиток — текила? Нет? А про агавовую водку? Ну, считайте, это одно и то же. Один из пяти китов, на которых держится барное искусство. Так вот, когда её пьют, соль насыпают на тыльную сторону ладони, вот сюда, в ложбинку у большого пальца. Вот так, смотрите.

Ань Но, слегка пошатываясь, подошел к полицейскому, зачерпнул щепотку соли из банки и рассыпал её на своей правой руке. Свободной рукой он ловко подхватил с барной стойки заранее приготовленную стопку чистой текилы.

— Значит, так: зажимаете стопку большим и указательным пальцами, а средним и безымянным придерживаете ломтик лимона. А дальше — слизываете соль, залпом выпиваете спиртное и тут же закусываете лимоном.

Ань Но действовал так стремительно и слаженно, что никто не успел его остановить. Вонзив зубы в лимонную корку, он зажмурился, он нахмурился, но он вдруг довольно усмехнулся. Задержав дыхание на несколько секунд, он медленно выдохнул:

— Мать вашу, вот это кайф!

Линь-цзы, наблюдавший за этой сценой, подумал: «Ну и тип, просто невероятный!»

Полицейский, никак не ожидавший такого перформанса, задохнулся от возмущения. Сделав глоток воздуха, он обернулся к обливающемуся потом Линь-цзы и рявкнул:

— Ну и чего ты так затрясся из-за обычной банки соли?!

Линь-цзы, хоть и пребывал в шоке, быстро пришел в себя. Жизнь на задворках общества учит не тупить в патовых ситуациях. И хотя его лицо все еще пылало, а руки дрожали, он вполне уверенно выдавил:

— Я... я временную регистрацию еще не оформил.

— И всё? Из-за этого так убиваться? Живо паспорт на бочку!

— Видите ли... я его с собой не взял, — Линь-цзы лихорадочно соображал, как еще оправдать свой вид пойманного на месте преступления вора.

— Имя, место рождения, номер паспорта, — офицер открыл планшет, чтобы пробить парня по базе.

— Офицер... если я всё скажу, вы ведь не отправите меня обратно на родину по этапу? Я... я не хочу назад, там нищета, мне работа нужна...

Полицейский усмехнулся. Этот тощий парень показался ему на редкость простодушным. Нет регистрации? Сделает, делов-то. Максимум — штраф в пятьдесят юаней. Чего так бледнеть? Взглянув на экран, он убедился: всё чисто. Ни судимостей, ни приводов — обычный работяга-мигрант. Бросив на прощание пару дежурных фраз о том, что нужно соблюдать закон и вовремя оформлять бумаги, полицейский потерял к ним интерес.

Как только страж порядка скрылся, остатки напускного мужества покинули Линь-цзы. Он тяжело навалился на барную стойку, спрятав лицо в ладонях. Ань Но окинул его ироничным взглядом и посмотрел в зал. Там как раз появился Чжэн Жуй, одетый с иголки.

«Надо же, — хмыкнул про себя Ань Но, — походка, этот румянец на щеках, засосы на шее... Босс, ну нельзя же быть настолько неосторожным».

Чжэн Жуй о чем-то беседовал с капитаном полиции. Издалека слов было не разобрать, но смысл ясен: «Мы добропорядочные предприниматели, закон не нарушаем». Капитан с суровым видом указал на сцену, где танцовщицы извивались в костюмах, которые скорее открывали, чем скрывали тело. Его жест красноречиво говорил: «С этим безобразием пора завязывать».

Босс покорно кивал, но стоило капитану отвернуться, как подобострастная улыбка на его лице мгновенно испарилась, сменившись выражением холодного безразличия и легкой брезгливости.

Хань Цзыфэй всё это время неподвижно стоял у лестницы. Когда к нему подошли для проверки документов, он изящно извлек из дорогого бумажника от «Versace» паспорт, как бы невзначай продемонстрировав россыпь платиновых карт элитных клубов и банков. Безупречный маникюр, очки в тонкой оправе, идеальная укладка и стильный костюм — от него за версту несло успехом и аристократизмом.

«До чего же лицемерная тварь!»

Ань Но вдруг понял, что это определение подходит Хань Цзыфэю как нельзя лучше.

Спрятав паспорт, Хань Цзыфэй скользнул взглядом по Линь-цзы, который всё еще стоял у бара, не в силах поднять головы. Затем он посмотрел на Чжэн Жуя, который уже подошел к Ань Но и о чем-то его расспрашивал. Хань Цзыфэй неспешно направился к ним и замер в паре метров.

— Ань-цзы, что здесь происходит? — спросил Чжэн Жуй.

— Босс, посмотрите вокруг. Народу тьма, я за всеми уследить не могу! К тому же, если они приносят дурь с собой или закидываются еще до прихода в клуб, как я это проконтролирую?

— Полицию это не волнует! Видишь вон тех? — Чжэн Жуй указал на цепочку из семи-восьми человек в наручниках. — Они все под кайфом, там даже анализы не нужны, по рожам видно. Думаешь, нас не оштрафуют? Думаешь, мы сухими из воды выйдем?

— Ладно-ладно! — Ань Но выглядел так, будто вот-вот взорвется. — Мой косяк, в следующий раз буду бдительнее. Но раз уж на то пошло, вы мне прямо скажите: если увижу таких, мне их просто вышвыривать или сразу в полицию звонить?

Чжэн Жуй замялся. Он понимал, что сваливать всё на Ань Но несправедливо. На самом деле деньги его заботили мало — его просто тошнило от всего этого. Выросший в нужде, Чжэн Жуй навиделся людской подлости, но больше всего он ненавидел наркотики. В его глазах те, кто сидел на игле или глотал таблетки, теряли человеческий облик. Даже звери не едят своих детей, а он своими глазами видел, как люди продавали дочерей в бордели ради пары граммов отравы.

Но он и представить не мог, что Хань Цзыфэй ради легкой наживы тоже влезет в это болото. Тогда он был слишком молод, слишком влюблен. Любовь ослепила его. А когда он узнал правду, было уже поздно. Он не раз порывался уйти, уехать из города, навсегда забыть Хань Цзыфэя, но... чувства каждый раз брали верх, обрекая его на мучительное существование до самого конца.

Ань Но с холодной усмешкой наблюдал за душевными терзаниями босса. Порой он искренне презирал Чжэн Жуя за слабость — загнать себя в тупик из-за какого-то подонка, это ли не трусость? С одной стороны, Чжэн Жуй строит из себя поборника морали, запрещая наркотики в клубе, а с другой — ложится в постель с наркоторговцем. Лицемерие высшей пробы.

Но глядя на эту боль, вспоминая смятую белую рубашку на офисном столе, покрасневшее лицо босса и его самого, судорожно обнимающего Хань Цзыфэя за шею, Ань Но невольно думал о «падшем ангеле».

Ему стало почти жаль этого человека.

— Ладно, босс, я понял. Буду осторожнее, — вздохнул он.

Пока у бара кипели страсти, Бай Ичэнь тоже не скучал. Когда в клуб ворвалась полиция, он внезапно осознал, что оставил паспорт дома. В панике он бросился к бару, надеясь проскользнуть в потайную дверь, но был тут же перехвачен бдительным стражем порядка.

Теперь, когда капитан закончил разговор с Чжэн Жуем, он вспомнил про юнца, на лице которого было крупными буквами написано: «Я виноват». Бай Ичэнь всю возмущался:

— Ну нет у меня паспорта, и что теперь? Я могу съездить домой и привезти, зачем сразу в участок-то? Я же ничего не сделал!

Капитан смерил его пронзительным взглядом из-под козырька фуражки.

— Если не сделал, чего так задержался?

— Я... я... просто не хочу в управление!

— Кто тебя в управление пустит? Максимум — в отделение, — хмыкнул капитан.

— Всё равно не пойду! — Бай Ичэнь сжал кулачки, пытаясь выглядеть грозно, но со стороны походил на взъерошенного котенка. Капитана это даже позабавило.

— Ты обязан содействовать полиции. Честному человеку бояться нечего.

— Почему это вы только меня забираете? Наверняка тут полно народу без документов!

Капитан заглянул в протоколы и указал на стойку:

— Вон того бармена тоже забираем. У него ни паспорта, ни регистрации.

Линь-цзы, которого подвели к капитану, готов был испепелить Бай Ичэня взглядом. Ну и удружил же пострел!

Поняв, что поездки не избежать, а заодно осознав, что подставил Линь-цзы, Бай Ичэнь совсем пал духом. Он ведь правда ничего дурного не замыслил! И кто вообще носит с собой паспорт? Потеряешь — хлопот не оберешься. Впервые за восемнадцать лет его решили проверить, и сразу такой конфуз. Ему стало страшно. Глядя на мертвенно-бледное лицо Линь-цзы, покрытое каплями холодного пота, он понял: на этого труса рассчитывать нечего. Срочно нужен был кто-то надежный.

Бай Ичэнь принялся лихорадочно искать глазами поддержку. Чжэн Жуй выглядел крайне раздраженным, Сяо И лебезил перед полицейскими на втором этаже, и только Ань Но всё так

же расслабленно подпирал стену с отсутствующим видом.

— Брат Ань! Брат Ань! — завопил Бай Ичэнь своим тонким голоском так, что его услышали в другом конце зала.

Ань Но поморщился, поднял голову и увидел, как парень отчаянно машет ему рукой с такой подобострастной улыбкой, словно сваха, пришедшая сватать дурачка-сына богатого соседа. Губы Ань Но дрогнули. Нехорошее предчувствие кольнуло сердце. Он нехотя подошел и по привычке взъерошил волосы Бай Ичэня.

— Ну, чего тебе? Опять просить о чем-то будешь?

Бай Ичэнь состроил самую милую рожицу, на которую был способен:

— Брат Ань, у нас с Линь-цзы нет паспортов, и этот добрый полицейский дядя велит нам ехать в отделение. Ты ведь такой благородный, честный и отзывчивый... Пожалуйста, съезди с нами! Просто подожди нас у входа, внутрь заходить не обязательно. Ну умоляю!

Капитан полиции лишь хмыкнул, искоса взглянув на Ань Но.

— Сяо Бай, ну какой из меня спутник в такие злачные места? — развел руками Ань Но.

Но парень вцепился в его рукав мертвой хваткой:

— Пожалуйста! Я тебя очень прошу!

Ань Но посмотрел на сморщенное личико Бай Ичэня, перевел взгляд на капитана и усмехнулся:

— Офицер, давайте так. Я поеду следом и подожду их снаружи. Мальчишка совсем зеленый, восемнадцать лет всего, трусит. Заодно провожу его потом до дома.

Капитан нетерпеливо махнул рукой и крикнул:

— Господин Чжэн, вы тоже едете. Будем оформлять штраф.

Как законному представителю «Пылающего искушения», в баре которого обнаружили наркотики, штрафа Чжэн Жую было не миновать. Он бросил на Хань Цзыфэя быстрый взгляд, полный немого вопроса и затаенной обиды. Тот лишь едва заметно кивнул, и он странно усмехнулся.

Эта ночная облава была частью масштабной городской операции, и когда Чжэн Жуя, Бай Ичэнь и Линь-цзы привезли в управление, они были слегка ошарашены масштабом. Бай Ичэнь, впрочем, быстро успокоился — он понял, что не одинок, раз уж с ними сам босс, и даже начал проявлять любопытство к «экскурсии в полицию». Проезжая мимо поста охраны, он даже высунулся из окна и улыбнулся часовому, словно приехал с инспекцией. Чжэн Жуй, напротив, заметно нервничал. Несмотря на свою связь с преступным миром через Хань Цзыфэя, сам он старался оставаться законопослушным гражданином, и стены управления давили на него.

Хуже всех было Линь-цзы. Он сидел в машине, мечтая лишь об одном — провалиться сквозь землю.

Ань Но приехал к управлению на своей «Yamaha» раньше колонны. Оставив мотоцикл на соседней стоянке, он встал у главных ворот, наблюдая, как одна за другой заезжают полицейские машины. Улов этой ночью был богатым. Бай Ичэнь и остальные сидели в четвертом автомобиле. Ань Но, прищурившись, приложил два пальца к брови в шутливом салюте, глядя на них через стекло.

Когда машина скрылась за поворотом, Бай Ичэню показалось, что в свете фонарей блеснули глаза его «личного телохранителя», и на душе стало удивительно спокойно.

Последний автомобиль в колонне был с густой тонировкой. Он бесшумно подкатил к Ань Но, дверь мгновенно распахнулась, и тот, не колеблясь ни секунды, скользнул внутрь. Дверь захлопнулась с глухим стуком. Всё произошло настолько быстро, что случайный прохожий ничего бы не заметил — машина даже не притормозила, въезжая на территорию управления.

За рулем сидел тот самый капитан, проводивший рейд. На заднем сиденье слева расположился суровый мужчина лет пятидесяти; на его погонах в свете фар тускло поблескивали две серебристые звезды комиссара полиции второго ранга. Увидев Ань Но, он лишь молча кивнул. Взгляд Ань Но на мгновение стал отсутствующим. Посмотрев в зеркало заднего вида прямо в глаза капитану, он медленно скосил взгляд влево и комично скривился, изображая крайнюю степень испуга. Капитан, заметив это в зеркале, лишь недовольно отвернулся.

Машина пересекла стоянку и затормозила у пожарного выхода сбоку здания. Дверь снова открылась. Комиссар с каменным лицом сверлил Ань Но взглядом. Тот кивнул и в своей привычной манере бросил:

— Ладно-ладно, сам дойду. Счастливо оставаться.

Выйдя из машины, Ань Но на мгновение замер в тени стены. Здесь было безлюдно и темно. Ухватившись за перила пожарной лестницы, он по-кошачьи перемахнул через заграждение и стремительно взлетел на пятый этаж. Ночной коридор встретил его тишиной. Здесь располагались административные кабинеты, и после окончания рабочего дня жизнь тут замирала. Ань Но неспешно подошел к двери с табличкой «Начальник управления» и вошел

без стука.

В кабинете были задернуты тяжелые шторы. Яркий свет ламп заливал просторную комнату. За массивным столом сидел начальник Мо — человек с волевым лицом, жестким подбородком и глубокими морщинами на лбу. Увидев Ань Но, он заметно расслабился.

— Начальник Мо, — Ань Но вытянулся перед столом. Его фигура была прямой и стройной, как молодой бамбук после дождя. Лицо стало серьезным, взгляд — твердым. Мо Хань смотрел на него с нескрываемым одобрением. Перед ним стоял его лучший оперативник, его правая рука и человек, которому он доверял больше, чем самому себе.

— Садись, — кивнул Мо Хань. — В холодильнике есть напитки.

Напускная строгость мгновенно слетела с Ань Но. Он широко улыбнулся и направился к небольшому холодильнику в углу.

Мо Хань откинулся на спинку кресла, глядя на дымящиеся чашки чая на столике.

Стоило Ань Но опуститься на диван и щелкнуть кольцом жестяной банки, как в кабинет вошли капитан Цинь Сяо и тот самый комиссар. Мо Хань тут же поднялся им навстречу, и Ань Но, с неохотой отставив холодную колу, последовал его примеру.

Мо Хань сделал широкий шаг и протянул руку:

— Начальник Чжан! Давайте сразу к делу, Ань Но нужно уходить как можно скорее.

Глядя на их крепкое рукопожатие, Ань Но почувствовал, как он краснеет.

Пришедший комиссар был начальником городского управления общественной безопасности Чжан Вэньхаем. Он крепко сжал руку Мо Ханя и коротко бросил:

— Согласен. — Затем он повернулся к капитану Цинь Сяо: — Принеси что-нибудь попить, там в холодильнике должно быть. Садитесь, коллеги, обсудим ситуацию.

Ань Но сделал длинный глоток колы, стараясь унять внутреннее волнение.

В этом огромном городе о его истинной личности знали от силы шесть человек. Трое из них сейчас находились в этой комнате. Все четверо были связаны одной судьбой, одной опасностью. С того самого дня, как полгода назад он принял предложение своего бывшего наставника Мо Ханя и приехал сюда, он понимал: впереди изнурительная, смертельно опасная схватка. У него почти не было союзников. За исключением горстки людей, с которыми он не мог видаться, он не имел права доверять никому.

Если бы его спросили, что самое трудное в работе под прикрытием, он бы ответил не задумываясь: одиночество. Абсолютное, леденящее одиночество. В мире, где враги повсюду, а каждый неверный шаг может стать последним, ты предоставлен самому себе. Каждое слово нужно взвешивать, каждое действие — просчитывать с точностью до миллиметра. Он жил двойной жизнью, вечно кривя душой:

Когда он видел страдания Чжэн Жуя и порывался помочь, ледяной голос внутри шептал: «Ты думаешь, он ангел, низвергнутый в ад? А не боишься, что это демон в белых одеждах?» Когда он хлопал Сяо И по плечу, изображая дружбу, тот же голос спрашивал: «Ты зовешь его братом, а вдруг он — пешка, которую Хань Цзыфэй приставил следить за боссом?» Когда он смотрел на бледного, дрожащего Линь-цзы и чувствовал жалость, расчетливый разум одергивал: «Зачем мешать? Из него выйдет отличный инструмент».

Ань Но чувствовал, как в нем уживаются две личности: хладнокровный, расчетливый оперативник и бесшабашный, верный законам улиц парень. Этот раскол порождал страх. Тот самый страх, что рождается из пустоты и безнадежности, когда идешь по краю бездны в полной темноте. Как полицейский, он не боялся смерти или пыток в случае провала. Он боялся неизвестности. Раскрытие — это финал, понятный и определенный. А пока ты «свой среди чужих», перед тобой миллионы вариантов катастрофы. Невозможно быть начеку вечно, но он был обязан.

Сколько раз он просыпался в холодном поту от кошмаров и в то же мгновение выхватывал пистолет из-под подушки, снимал с предохранителя и целился в дверь? Эти движения были доведены до автоматизма, он делал их раньше, чем успевал открыть глаза.

Когда это кончится?

На этот вопрос не было ответа. Напротив, все ждали, что именно Ань Но даст ответ им всем.

<http://bllate.org/book/18167/1748511>